

в том числе на спекулятивные операции и так называемый хайп.

В современном мире в приоритете торговля, но еще в большем приоритете финансы. И это господство финансового капитала в мире, доминирование торговли над производством, доминирование торговли над наукой делают этот мир финансовым, но создают ситуацию, когда риски, присущие всем финансовым рынкам, могут проявиться в реальной жизни.

Неолиберальная экономическая модель не только способствует выводу производства в страны с дешевой рабочей силой, но и помогает перераспределению доходов от широких слоев населения к финансовым элитам, увеличивает неравенство и исключает развитие чего-либо кроме спекулятивной торговли. Людям внушают, что им нужны не вещи, а функции вещей. Не собственное жилье или автомобиль, а возможность это арендовать.

В итоге получается такая цепочка: меньше доходов, меньше собственности и сбережений, меньше знаний и квалификации, а следовательно, меньше политических прав. Мир, в котором происходит постоянное накопление капитала, с одной стороны, и рост долгов — с другой, становится заложником ситуации, когда капитал может производить только сам себя, все меньше и меньше давая денег людям, и рано или поздно это выльется в финансовый кризис и приведет к социальным движениям.

Неоспоримая гегемония финансового капитала, которая установилась на всей планете после 1991 года, начала замедлять технологическое развитие мира. Зачем нужен рационализм и научно-технический прогресс, если процветает торговля, если нет конкуренции, если глобальные транснациональные корпорации свои стандарты ставят как мировые, если весь мир превращается в рынок сбыта?

За минувшие 30 лет ни в одной стране мира не было технологического рывка. Повсеместно происходит совершенствование имеющихся технологий, а научные открытия практически не внедряются. Вместо научно-технологического развития в мире наступила эра всеобщего кредитования и жизни в долг. Соотношение глобального долга и ВВП сейчас составляет рекордные 320%.

Выводы из всего этого неутешительные. Впереди мировой долговой кризис, который может охватить целые

страны, их граждан и корпоративные сектора, вызвать череду дефолтов и банкротств, а затем и обесценить финансовые активы и обрушить существующую социально-экономическую модель.

И детонаторы у этого долгового кризиса находятся сразу с двух сторон. С одной стороны, это начавшееся повышение процентных ставок и разворот кредитных циклов, ухудшающие возможность рефинансировать имеющиеся долги, а с другой — падение доходов компаний производственного сектора из-за возможных ограничений мировой торговли. К тому же в сфере материального производства все сложнее становится повышать эффективность и производительность, а перспективы скорого перехода на новый технологический уклад весьма призрачны из-за деградации научных знаний и отсутствия у государств мотиваций и финансовых средств для осуществления глобальных «великих проектов», как это было в XX веке, когда человечество осваивало космос и ядерную энергию.

Вслед за долговым кризисом можно будет ожидать и мировой социально-политический кризис, который проявится в росте антиэлитных протестов и в одних странах приведет к власти левых популистов, а в других — правых консерваторов.

В поисках выхода

Может быть, миру поможет разрекламированная цифровизация и Индустрия 4.0? К сожалению, нет. Индустрия 4.0, хоть и выглядит как отказ от постиндустриальной философии, на деле представляет собой попытку ряда развитых стран, таких как Германия и Япония, найти возможность конкурировать с китайской промышленностью и делать рентабельным производство даже небольших партий товаров. Индустрия 4.0 пока сосредоточена на оптимизации логистики и финансовых потоков, но не сильно продвинулась в сфере автоматизированных систем управления технологическими процессами по сравнению с 1980-ми годами. Технологии 3D-печати не обеспечивают необходимых прочностных характеристик конструкций в сравнении с обычными технологиями и зачастую проигрывают в стоимости конечных изделий. У этой «четвертой промышленной революции» нет научной и технологической основы, ведь финансирование

REUTERS

фундаментальной науки в мире сокращалось десятилетиями.

Цифровизация, которая рассматривается как панацея, мало помогает сфере материального производства. Более того, цифровизация в нынешнем виде — это практически противоположность реиндустриализации, потому что цифровые технологии обслуживают в основном сферу услуг, финансов и торговли, а также менеджмент и госуправление. То есть цифровизация — это технология для перераспределения ресурсов, но отнюдь не для их создания.

Повышение капитализации компаний от квартала к кварталу происходит уже в течение столь длительного периода времени, что инвесторы начинают задумываться, а не надулись ли на финансовых рынках мыльные пузыри. В мировом бизнесе нарастает волна пессимизма. Чрезмерная финансовая специализация приводит к несбалансированному распределению ресурсов, а гипертрофированный финансовый сектор становится причиной серьезных потрясений.

Грядущий кризис нынешней экономической модели становится все

очевиднее. И первым признаком смены тенденций является протекционизм. Попытка Трампа вернуть производство в США и начать там реиндустриализацию — это явный сигнал к тому, что тренд начинает меняться. Все виртуально-финансовое, все, что затронул так называемый хайп, может потерять свою стоимость, если начнется долговой кризис. «Все невестинное вдруг станет несущественным», как говорил главный капиталист фильма «Пираты Карибского моря» лорд Беккет.

А вот «всемирная фабрика» Китая пока идет по проторенной дороге Запада и также пытается контролировать торговые и финансовые потоки в своем регионе. К сожалению, это попытка заскочить в вагон уходящего поезда. Поймать тенденцию, которая может скоро завершиться мировым кризисом.

К чему приведет глобальный кризис

Самое очевидное событие, которое положит начало разворота человечества к научно-техническому прогрессу, — это масштабный экономический